

Певец мира и свободы

Сов. иск. 29. IV. 50

В конце апреля 1925 года состоялся первый концерт певца Поля Робсона. За четверть века замечательное искусство этого народного певца стало достоянием всего мира. Ямайские грузчики и солдаты Народно-освободительной армии Китая, фермеры Оклахомы и рабочие Праги, горняки Уэльса и моряки Стокгольма слушали чудесный бас негритянского певца.

— Поет наш Робсон, — говорят с любовью люди всех национальностей и рас. Робсон стал повсюду своим, потому что он воспекает мечту человечества о дружбе народов и всей силой своего огромного артистического таланта бичует больших и маленьких гитлеров, больших и маленьких морганов.

Его первый концерт состоялся в маленьком театре на Гринвич-Вилледж в Нью-Йорке.

Как и было указано в программе, Робсон пел духовные песни — «спиритчуэлс». Библия была единственной книгой, которую позволялось читать неграм-рабам. Из этой книги они должны были черпать темы для своих песен.

Но Робсон пел не христианское смирение, не рабскую покорность. Скорбь и протест звучали в его голосе, старые песни наполнялись новой силой.

Все возвышая и возвышая свой голос, он в каждой песне требовал, чтобы то, чего лишены негры сегодня, стало их достоянием завтра. Он не верил в благодать неба, он хотел справедливости здесь, на земле.

Никто в зале не знал имени автора, написавшего величественный негритянский гимн «Отпусти мой народ», но они видели перед собой певца, распрямившего плечи и гордо поднявшего голову. Именно так поднялся над хлопковым полем безымянный раб, бесправный человек, изму-

ченный каторжным трудом и нищенской жизнью. Сочиняя эту песню, он глядел в будущее. Теперь эту песню пел широкоплечий гигант-негр.

И господа, сидевшие в зале на Гринвич-Вилледж, поняли: не легко будет сломить могучего народного певца, как не легко подавить стремление к свободе у американских негров.

На следующий день газеты возвестили о рождении новой звезды. Знайки вокала подробно описывали редкую красоту голоса дебютировавшего певца. Одному слышалось в нем дыхание органа, другому — низкие колокола. Все критики подчеркивали, что программа состояла сплошь из религиозных песен.

Но никто из них не сказал ни слова о том, какие мысли и чувства будил певец. Они стремились скрыть от трудящихся масс, что в песнях Робсона отчетливо звучали мятежные призывы. Продажные буржуазные писакы изображали Робсона смиренным псалмопевцем.

Началась обработка Робсона. Расчет американских боссов был прост: слава и деньги должны были заглушить в Робсоне голос совести, оторвать его от народа.

«В золотую клетку его, артиста! Бриллиантовый ошейник на горло певцу! И, главное, кричать погромче, что у Робсона есть золото и бриллианты. Пусть каждый негр верит, что и ему улыбнется удача. Вель есть уже один негритянский певец Ролланд Хейс. Он-то не рвется из клетки на волю, не срывает ошейник — идет туда, куда его ведут. И Робсон запоет иначе. Деньги!».

Вот чего добивались хозяева капиталистической Америки. Но они прощались. Совершая первую концертную поездку по Соединенным Штатам, Робсон все ярче оттенял своим исполнением темы гнева и

протеста. В дальнейшем Робсон не только использовал свой голос-колокол, чтобы будить своих соотечественников, заставить их тревожиться о судьбе негров, о судьбе американской демократии, но и перешел к активным действиям.

Однажды Робсона, уже ставшего известным артистом, пригласили на концерт в Принстон. Университет, в стены которого он не мог из-за цвета кожи попасть в качестве студента, приглашал его в качестве певца. Обязательным условием своего выступления Робсон поставил отмену сегрегации в зале, где он будет петь. Раньше никто не смел даже заикаться об этом. Робсон посмел — и победил. Условие было принято. В концертном зале принстонского университета черные сидели рядом с белыми. Это была победа двадцатилетнего Поля Робсона.

Но вскоре был нанесен ответный удар...

...С большими надеждами ехал Робсон в Бостон. Столица Массачусетса когда-то оказала гостеприимство известному борцу за национальное равноправие — негру Фредерику Дугласу. Бостонцы всегда подчеркивали этот факт и афишировали свою любовь к неграм.

Робсону нездоровилось, он был сумрачен. Обидно было, что он простудился перед выступлением, которого так страстно ожидал.

В Бостоне стояла холодная погода. Робсон, забившись в угол такси и подняв воротник, тшкетно пытался согреться. Его покачивало, когда он шел по вестибюлю гостиницы. — Скорее в номер — чай, постель...

— Для вас нет номера, — сказал портье ледяным голосом, уводя кулаком в сторону свои птичьи глаза. Робсон не трогался с места.

— Для вас! — повторил портье, глядя почему-то на руки Робсона.

Певец поспешил к выходу. Машина еще стояла. Робсон снова забился в угол. Озноб увеличился. Он не мог вымолвить ни слова. Шофер, заметив, что один из сидюков болен, во-сю гнал машину к ближайшей гостинице.

Вот и она, — неоновое сияние рекламы: дымящаяся чашка кофе, малящая в ресторан. Робсон оставался в машине. Его жена стремительно вошла в двери отеля. Через минуту она вышла и сказала: «Есть!». И вот они снова стоят у конторки. Портье, увидев Поля, переменялся в лице:

— Тысячу извинений, мадам, для вас у нас найдется комната. Но вы не предупредили меня, мадам, что вы не одна. — Белое лицо жены потемнело от негодования. Робсон вихрем помчался прочь.

Третья, четвертая, пятая гостини-

цы... Шофер хорошо знал город. Он не глушил мотора, он знал, что придется ехать дальше.

Наконец, в одной из гостиниц нашелся номер. Здесь одно крыло было специально предназначено для негров...

...Невелико расстояние от Нью-Йорка до местечка Пиксхилл. Но слава, путь, пройденный Робсоном от концерта в маленьком театре на Гринвич-Вилледж до импровизированной эстрады среди Пиксхиллских холмов.

Тысяче богатейших американцев не удалось купить Робсона. С звериной ненавистью стремятся они заглушить его песню. Они не остановились перед попыткой линчевать смелого и мужественного артиста. Концерт в Пиксхилле останется в истории Америки не только как символ фашистских бесчинств, но и как память о дружном отпоре тысяч и тысяч простых американцев творцам военной истерии.

Когда в Москву пришло известие о том, что Робсон, несмотря на угрозы фашистских громил, все же пел в Пиксхилле, вспомнился один эпизод, относящийся ко времени его последнего пребывания в СССР.

Ранним утром в номер гостиницы, где жил Робсон, пришли советские артисты и музыканты, чтобы проводить своего американского друга. Многие предлагали Робсону остаться навсегда в СССР.

Робсон подошел к окну, задумчиво посмотрел туда, где алыми рубиновыми звездами Кремля, и сказал: «У вас здесь хорошо. Здесь легко дышится и поется. Но мое место там, где идет борьба. Я еду домой, чтобы там бороться за мир и подлинную демократию».

Песни Робсона — песни мира. Они звучат сегодня на передовой линии всенародной борьбы за мир. Песня мира, песня всего прогрессивного человечества — победит!

Виктор ГОРОХОВ.